

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

По итогам «круглого стола»

17 октября 2006 г. на философском факультете УрГУ в рамках заседания кафедры онтологии и теории познания был представлен объемный доклад д-ра филос. наук, профессора Н. В. Бряник «Герменевтическая философия науки». Выступление было единогласно признано успешным и содержательным и привело к дискуссии, которая проходила на заседании кафедры и продолжилась после него, так как желающие получили возможность высказать свои позиции относительно прозвучавшего доклада в рамках «круглого стола» в письменном виде. В непосредственной устной дискуссии принимали участие: Н. В. Бряник; д-р филос. наук, заведующий кафедрой Д. В. Анкин; канд. филос. наук, доцент Д. В. Котелевский; старший преподаватель Е. П. Стародубцева, канд. филос. наук доцент Г. К. Ольховиков; ассистент С. С. Кралин. Дополнительно в работе письменного «круглого стола» «Герменевтическая философия науки» приняли участие Н. В. Бряник; Д. В. Анкин; Д. В. Котелевский; канд. филос. наук, доцент Н. И. Савцова, а также магистранты философского факультета К. И. Кашина, С. В. Наймушин.

Основной идеей многопланового доклада Н. В. Бряник «Герменевтическая философия науки» можно признать нетрадиционную, но глубоко аргументированную трактовку герменевтического проекта философской герменевтики Ганса-Георга Гадамера, согласно которой существует реальная возможность признания универсальности герменевтических идей для науки в целом, возможность придания герменевтике статуса особой философской концепции науки, существующей наряду с позитивистской, неокантианской, неорационалистической, структуралистской и близкой к феноменологии Эдмунда Гуссерля. В соответствии с этой точкой зрения герменевтика представляется значимой не только для «наук о духе», но распространяет свои принципы и на «науки о природе». При этом Н. В. Бряник отметила, что точка зрения, подобная высказанной ею, сталкивается с предрассудками в философской среде.

В ходе дискуссий на заседании кафедры и в рамках текстуального «круглого стола» основное внимание уделялось идее возмож-

ности и целесообразности рассмотрения герменевтики как полноразправной концепции науки. Участники диалога, при всех частных отличиях высказанных мнений, разделили две точки зрения по этому вопросу.

Представители первой – Д. В. Котелевский, Е. П. Стародубцева, Н. И. Савцова – склонились к тому, чтобы поддержать саму идею и постановку вопроса о проекте нового статуса герменевтики. Представители второй точки зрения – Д. В. Анкин, Г. К. Ольховиков, С. С. Кралин, К. И. Кашина и С. В. Наймушин – выражали тенденцию скептического отношения к заявленной проблематике.

Наиболее любопытной оказалась дискуссия между Н. В. Бряник, Д. В. Анкиным, Н. И. Савцовой и Д. В. Котелевским.

Так, согласно мнению Н. И. Савцовой, высказанному в поддержку позиции автора доклада, философская герменевтика выходит за пределы, связанные с понятием «метода», способа организации знания, что действительно позволяет говорить о построении герменевтической модели научного познания, адекватной идеалу науки. Основанием подобной модели, вслед за Г. Гадамером отвергая идею «беспредпосылочности» научного мышления, следует признать «герменевтический универсум». В этом смысле любая гносеологическая модель в философии науки уже по сути является герменевтическим опытом, поскольку понимающий субъект раскрывает герменевтический горизонт универсума. При этом построение герменевтической модели философии науки, раскрывающей содержание языковых структур науки, необходимо и актуально.

Д. В. Анкин представил несколько критических тезисов, касающихся доклада. По его мнению, герменевтическая трактовка истины Г. Гадамера, ведущая к теоретико-познавательному релятивизму, отрицанию возможности достижения объективной истины, не близка позиции классической феноменологии Э. Гуссерля, для которой характерно представление о том, что философия науки не может не руководствоваться объективной истиной.

В этом смысле герменевтическая трактовка истины не выглядит ни бесспорной, ни удачной. Определение истины как, например, «просвета (дома) бытия» не позволяет отделять истинное от ложного в познании, а любые интерпретации понятия «истины», не позволяющие различать истинные и ложные высказывания, сле-

дует признать материально неадекватными и для теории познания, и для философии науки, так как они не работают.

С точки зрения Д. В. Анкина, не следует воспринимать всякую строго выстроенную и точно оформленную философию науки как позитивистскую, также не следует называть позитивистами Ч. С. Пирса, Г. Фреге, К. Поппера, Х. Альберта.

Требования эпохи к строгости научного познания выполнимы только в рамках точного понятийного мышления. В этом контексте герменевтическое ограничение разума в угоду авторитету выглядит анахронично, восходя к протестантской теологии. В этом смысле средством против релятивизма герменевтики оказывается догматизм, который хотя и является меньшим злом, все же не удовлетворителен в теории познания, где гораздо обоснованнее выглядит критическая позиция. Кроме того, отрицание методологической функции герменевтики как искусства истолкования, которое производит Г. Гадамер, можно трактовать как отрицание самой философии науки. С другой стороны, поистине герменевтическими можно считать работы таких аналитических философов, как М. Даммит, чьи труды по интерпретации философских произведений Г. Фреге являются более обширным и всесторонним опытом толкования, чем тот, который есть у Гадамера и Рикера.

Идея противоположности науки и жизни, развиваемая Гадамером, занимающим сторону жизни, выглядит искусственно созданной им же самим и связанной с его представлением об обобщающем научном опыте, ведущем к понятиям. Идея подобного обобщающего опыта – герменевтическая фикция.

Д. В. Анкин подчеркнул также, что вольность герменевтической терминологии иногда создает проблемы для диалога и взаимопонимания. Так, указание сторонников герменевтической концепции науки на «предрассудки», с которыми они встречаются, представляются попыткой проигнорировать обоснованную критику.

В ответ на замечания Д. В. Анкина, Н. В. Бряник отметила прежде всего следующее: характер критики показывает, что Д. В. Анкин признает принципиальный тезис ее доклада, касающийся возможности герменевтической концепции науки. Н. В. Бряник подчеркнула, что признает связь классической феноменологии Э. Гуссерля и герменевтики Г.-Г. Гадамера прежде всего на протяжении исто-

рического пути становления последней и в представлении о неразрывности субъекта и объекта в понимании жизни, а не по вопросу об истине.

Затронув вопрос об истине, Н. В. Бряник отметила, что оценка ее позиции произведена Д. В. Анкиным в парадигме *гносеологической* трактовки истины, в которой он работает. Поэтому в критике речь идет об истине, заключенной в контекст языка познающего субъекта, в терминах истинности и ложности высказываний, проверяемых на предмет их материальной адекватности. При этом Н. В. Бряник заметила, что Г. Гадамер, вслед за М. Хайдеггером, рассматривает истину в *отнологической* трактовке, которой соответствуют иные понятия, такие как «алетейя» и «просвет» бытия. По мнению автора доклада, две трактовки истины дополняют друг друга.

Н. В. Бряник отметила, что в ее докладе термин «позитивизм» используется для обозначения господствующего в философии науки направления, с которым зачастую отождествляется вся философия науки. Более того, в ее докладе позитивизм не персонифицирован, поэтому она оставляет без внимания вопрос об отнесении к нему философии Ч. С. Пирса, Г. Фреге, К. Поппера, Х. Альберта. В том же, что касается позиции самого Д. В. Анкина, присутствующей в его замечании, профессор Н. В. Бряник считает: ориентация на достижение объективной истины с помощью научного метода, воспроизводящего реальность, является одним из признаков позитивистской философии науки.

На фоне призывов эпохи к строгости и точности, а также требований критичности к себе было бы последовательно, по мнению профессора Н. В. Бряник, признать многообразие подходов в философии науки XX столетия, среди которых найдется место и философской концепции науки. В соответствии с этой концепцией есть возможность устанавливать критерии научности по особенностям гуманитарных наук подобно тому, как установление критериев практиковалось с учетом специфики естественных наук. При такой постановке вопроса говорить о его анахроничности контрпродуктивно. Тем более что указание на анахроничность подхода, подкрепляемое тем, что в его рамках освобождается место авторитету, ограничивающему разум, и догматике, во-первых, не может быть предпо-

сылкой для обвинения в авторитарности мышления, а во-вторых, ставится под сомнение уже тем одним фактом, что, по-видимому, и для Д. В. Анкина, как и для всех философов, не склонных «изобретать велосипед», существуют авторитеты. В этом смысле, авторитетами Д. В. Анкина оказываются К. Поппер, Х. Альберт, М. Даммит, из чего, однако, не следует авторитарность мышления. С другой стороны, догматический характер некоторых областей знания, например «догматической юриспруденции», является признанным, а это обязывает нас к анализу характера мыслительной деятельности в таких областях, так как их невозможно игнорировать.

Комментируя замечание, касающееся отношения науки и жизни, Н. В. Бряник отметила, что в ее понимании герменевтика пытается приблизить науку к жизни. Они оказались разделены рассмотрением науки в контексте практики, как предметно-чувственной, находящей технико-технологическое воплощение. Приближение науки к жизни, осуществляемое Г. Гадамером, связано с дополнением контекста понятия «практика» забытой его частью – античным пониманием практики как «фронесис», связанным с духовными и нравственными трансформациями человека, при игнорировании которых герменевтические смыслы науки предстают как фикция.

Отвечая на последнее замечание Д. В. Анкина, Н. В. Бряник выразила мнение, что обвинения представителей герменевтики в некоторой терминологической вольности подразумевают, что для описания науки уже существует достаточный и адекватный понятийный аппарат. Это по крайней мере спорно, так как каждый подход в философии науки предлагает свой категориальный аппарат. При этом прояснение термина «предрассудки» может быть осуществлено с использованием понятия «традиция», которое, по-видимому, устраивает оппонентов. Отвечая на подобную же критику, автор доклада отметила, что, на ее взгляд, понятия «герменевтического горизонта», «герменевтического круга», «смысла» и т. п. не более неопределенны, чем, к примеру, понятия «верификации», «демаркации», «протокольных предложений» и др., используемых логическими позитивистами.

Выражая несогласие с позицией Д. В. Анкина по ряду вопросов данной дискуссии, выступая в целом в поддержку мнения авто-

ра доклада, доцент Д. В. Котелевский отметил, что сложности истолкования проблемы метода в философии Г.-Г. Гадамера все же не мешают рассматривать герменевтику как выявляющую специфику феномена науки с некоторой сторонней позиции, т. е. позволяют обоснованно говорить о герменевтической философии науки. Ссылаясь на Э. Мокшицкого, Д. В. Котелевский отметил, что одним из недостатков современной философии науки является то, что осознание науки происходит с помощью средств самой науки и принимает формы тавтологии.

Высказываясь по теме отношений методологии науки и герменевтики, Д. В. Котелевский отметил неоднозначность понимания Гадамером метода, однако заметил, что можно говорить о том, что герменевтика занимается не рассмотрением конкретной методологии, не является таковой для гуманитарного знания, но, по мнению Гадамера, – осмыслением оснований научного знания с внешней позиции.

Актуальность рассматриваемой герменевтической концепции науки, поставленная под сомнение Д. В. Анкиным, обосновывается Д. В. Котелевским указанием на то, что развитие герменевтики в значительной степени дублирует логику развития философии науки и новоевропейской философии в целом – от поиска универсального метода (Декарт, Бэкон, Спиноза) к задаче создания общей методологии (Шлейермахер и Дильтей) и к представлению о том, что герменевтика должна заниматься не методологической рефлексией процедуры понимания, а раскрытием ее сущности (Гадамер).

По мнению Д. В. Котелевского, реабилитация понятия предрассудков, как неотъемлемого основания понимания является существенным вкладом Гадамера в философию науки. Отрицание же пресуппозитивности познания, «традиции», утверждение возможности преодоления предрассудков как выхода за рамки историчности выглядит, на взгляд Гадамера, бессмыслицей.

Кроме прочего, Д. В. Котелевский отметил, что, на его взгляд, противопоставление герменевтики и феноменологии необоснованно. Феноменология неоднозначна и у самого Гуссерля в различные периоды его творчества. При этом существуют различные феноменологические проекты, одним из которых можно считать философию

скую герменевтику. Это позволяет рассматривать сближение герменевтики и феноменологии, проведенное профессором Н. В. Бряник, оправданным.

В ответ на выступления профессор Н. В. Бряник поблагодарила коллег за внимание к докладу, кроме того, поблагодарила Н. И. Савцову и Д. В. Котелевского за аргументированную поддержку ее позиции, а также Д. В. Анкина и других оппонентов, выявившихся по ходу дискуссии, за конструктивную критику.

Положительным итогом философского диалога в рамках заседания кафедры и текстуального «круглого стола» можно считать то, что участники дискуссий сошлись во мнении: давать более или менее однозначный ответ на вопрос о способности философской герменевтики играть роль концепции науки пока преждевременно по причине отсутствия вариантов реализации подобного рода проектов.

Обзор подготовлен К. И. Кашиной и С. В. Наймушиным